

Б. А. Зверева

**«Дворянский вопрос» глазами московского
губернского предводителя А.В. Мещерского
(60–80-е годы XIX в.)**

Преобразования Александра II с положенным в их основу принципом «всословности» произвели серьезные изменения в русском обществе. Не последнее место занял «дворянский вопрос» – вопрос о новом положении дворянства, об исторической судьбе сословия и перспективах его будущего развития. Дворянские публицисты второй половины XIX в. стремились «доказать ошибочность проведенных реформ и необходимость принятия мер по поддержанию дворянства как главной опоры самодержавия вплоть до возрождения и возложения на него обязательной государственной службы»¹. Финансовая помощь сословию, учреждение «заповедных» имений, укрепление корпоративной организации и местной власти дворян – все это элементы дворянской программы, хорошо описанные в отечественной литературе. Давая им оценку, историки неизбежно отмечают умозрительность, анахроничность, слабую экономическую разработанность консервативных концепций. Предложения дворян-консерваторов действительно страдали указанными недостатками, которые и предопределили в итоге их политическое поражение. Но что заставляло их так крепко держаться за свою идеологию? Ответ «сословный эгоизм» не дает исчерпывающего объяснения, особенно когда мы имеем дело со взглядами конкретных людей, а не сословия в целом.

В настоящее время можно говорить о направлении в историографии, которое пытается по-новому ответить на данный вопрос. Это четко проявилось в материалах круглого стола «Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения», опубликованных в 2001 г. в журнале «Отечественная история». Почти все выступавшие отметили религиозность как важную черту русского консерватизма, и то, что он не являлся политической теорией в полном смысле, а был скорее «суммой мировоззренческих признаков». Кроме того, было отмечено существование культурного (если не цивилизационного) разрыва между современными историками и их героями-консерваторами XIX в.², об отсутствии у нас «современной национальной школы историософии» и невозможности объяснения русского консерватизма с помощью «секулярно-западной» методологии (марксизм, позитивизм)³. Все это подводит нас к требованию учитывать принципиально иную систему ценностей консерваторов при анализе и истолковании их взглядов. Этот подход последовательно использует в своих работах

Зверева Бронислава Анатольевна, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Эл. почта: bzvereva@yandex.ru

¹ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С. 5.

² Шевченко М.М. Реабилитировать тему русского консерватизма // Отечественная история. 2001. № 3. С. 111.

³ Боханов А.Н. О «теории», которой не было // Отечественная история. 2001. № 3. С. 113–117.

А.В. Репников. «Одним из стержневых принципов консерватизма, – пишет он, – являлся принцип иерархии. Критикуя его, политические оппоненты консерваторов исходили из идеи равноправия всех граждан и обычно игнорировали религиозный смысл социального неравенства, не вполне справедливо обвиняя своих противников в оправдании привилегий дворянства. Между тем в представлении консерваторов иерархическая система являлась регулятором требований, предъявляемых к каждому члену общества в зависимости от его социального статуса: чем выше положение человека, тем выше его ответственность»¹. Дворянское самосознание подразумевало готовность по первому требованию монарха пожертвовать своей жизнью и имуществом, если возникнет государственная необходимость. Дворянин с юных лет должен был понимать свою исключительную роль в обществе и связанные с этим обязанности. Сословное самосознание воспитывалось в семье, в дворянских институтах, и потому действительно не могло быть достоянием других людей, пусть даже образованных.

Взятые без конкретного событийного контекста, эти утверждения могут вызвать определенный скепсис. Отношение меняется, если рассматривать теоретические взгляды консерваторов одновременно с их практической деятельностью. Иными словами, изучение практики консерватизма – это путь к пониманию его теории. Эта статья – попытка показать, как идея служения, особого предназначения дворянства руководила поступками человека в реальной жизни. Речь пойдет о московском губернном предводителе дворянства, богатом помещике и убежденном консерваторе князе Александре Васильевиче Мещерском.

А.В. Мещерский родился в 1822 г. Детство его прошло в отцовском имении под Москвой. В воспоминаниях князя дворянские усадьбы 1820-х – 1830-х годов представлялись «центрами земледельческого прогресса», вокруг которых строилась вся сельская жизнь. Просвещенность помещиков, по мнению Мещерского, избавляла их от конфликтов с крестьянами. «О так называемом злоупотреблении помещичьей властью не могло быть и речи»². Знакомые в окружении его отца устраивали у себя в имениях народные школы, больницы и «даже богадельни для престарелых и увечных»³. В то же время существовал привычный контраст между жизнью дворян и их слуг. Изысканные развлечения, европейское образование, прогрессивный взгляд на роль женщины в обществе, тонкость художественного вкуса и утонченность чувств – все это помещалось тут же, в подмосковной деревне, и предназначалось только для господ.

Среди дворян Мещерские выделялись древностью рода. Князья вели свою родословную с конца XIII в. Двадцать князей Мещерских погибло в разное время на полях сражений. По свидетельству Александра Васильевича, его дед Иван Сергеевич Мещерский потерял состояние после войны 1812 г.: «движимый патриотическим чувством», князь взял на себя подряды по снабжению армии

¹ Репников А.В. *Метаморфозы русского консерватизма: от С.С. Уварова до Никиты Михалкова* // Отечественная история. 2001. № 3. С. 107. См. также: Репников А.В. *Консервативные концепции переустройства России*. М., 2007.

² Мещерский А.В. *Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского*. М., 1901. С. 8.

³ Там же. С. 11.

провиантом, а казна не оплатила поставки¹. С детства А.В. Мещерский впитывал рассказы о том, как его предки жертвовали своим имуществом и жизнью ради Отечества. Вероятно, эти предания и личная склонность Мещерского к военному делу определили его судьбу. В 1838 г. шестнадцатилетний князь, вопреки просьбам матери и примеру старшего брата, отказался от учебы в университете, чтобы скорей начать военную карьеру. Князь участвовал в Кавказской войне, был адъютантом московского генерал-губернатора кн. А.Г. Щербатова, чиновником для особых поручений при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе гр. А.Г. Строганове. Князь вышел в отставку в чине полковника и в 1860 г. занялся хозяйством. Общественная деятельность А.В. Мещерского протекала в качестве предводителя дворянства: сначала уездного, в подмосковной Верее (1864–1869), затем губернского, в Москве (1869–1874) и Полтаве (1883–1888).

Мещерский, как и большинство дворян, был недоволен отменой крепостного права и, подобно большинству, смирился с нею. Подчеркнутая покорность власти составляла важную часть его мировоззрения. Но на этот раз Мещерский чувствовал, что воля Александра II противоречит интересам России. Разорение помещиков, считал он, станет бедствием «для целого народа, который в лице своих землевладельцев понесет невозвратный ущерб и оскудеет во всех направлениях своей жизни»². Чтобы разрешить это внутреннее противоречие между личными убеждениями и преданностью императору, Мещерский убедил себя, что давал клятву «не только царствующему государю, но и его наследникам»³, в силу чего он должен охранять экономическую и политическую мощь дворянства для будущего, до того момента, когда дворяне вновь понадобятся государству.

Первая задача, которую поставил перед собой Мещерский, – добиться от правительства льготного кредитования помещиков. Землевладельцы остро нуждались в деньгах. Далеко не всем удалось воспользоваться средствами от выкупной операции. Значительная часть имений была заложена еще до реформы, и теперь полученный капитал пошел в уплату старых долгов⁴. Взять новую ссуду у государства было невозможно, так как казенные кредитные учреждения ликвидировали в 1859 г. Устройство частных земельных банков началось с 1864 г., однако они ссужали деньги «за огромные проценты (не менее 15 % в год)»⁵. А.В. Мещерский как уездный предводитель приложил немало усилий, составляя записки, речи, брошюры, чтобы форсировать создание правительственного земельного банка⁶. В нем дворяне

¹ Мещерский А.В. Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. М., 1901. С. 24.

² РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 635. Л. 1 об.

³ Там же.

⁴ Ходский Л.В. Операция выкупная // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 14. СПб., 1892. С. 513.

⁵ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 24. См. также: Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т. II. СПб., 1891.

⁶ Докладная записка о поземельном банке. Труд Комиссии Верейского уезда. 1864 г. // РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 23–32; Протокол обсуждения Верейским дворянским собранием записки о возможности учреждения земского банка и о поземельном кредите вообще. 22 февраля 1864 г. // Там же. Л. 1–2; Речь А.В. Мещерского о дворянском землевладении и

могли бы получать долгосрочные ссуды с умеренными процентами («как было прежде в Опекунском Совете»). Однако желание дворян было реализовано лишь в 1885 г., когда в обстановке всемирного аграрного кризиса открылся Дворянский банк. Российские производители хлеба несли убытки из-за наплыва на европейский рынок дешевого зерна из США и колоний¹. Чтобы облегчить положение помещиков, Дворянский банк освободил их от долгов в коммерческих банках и тут же получил массу просроченных платежей.

В начале 1889 г. А.В. Мещерский, в то время предводитель дворянства Полтавской губернии, организовал подачу ходатайства к Александру III. В нем помещики просили о снижении процентов в Дворянском банке по платежам за взятые кредиты. Это означало бы «отождествить кассу банка с кассой казначейства»², то есть предоставить дворянам скрытую субсидию. Министр финансов И.А. Вышнеградский, сражаясь с хроническим бюджетным дефицитом, говорил Мещерскому, что удовлетворить ходатайство крайне трудно, но добавлял, что «все зависит от Его Величества. Он – Повелитель, министры – только исполнители Его воли! И если Ему благоугодно будет приказать – то необходимо надо будет исполнить»³. Помня это, Мещерский обратился к И.Н. Дурново, министру внутренних дел. «Удерживать в своих руках то, что еще осталось, – доказывал он Дурново, – мы обязаны одинаково и перед нашими детьми и перед государством, которому совершенно необходим имеющийся в лице нашем культурный класс, – наше оскудение есть государственное оскудение»⁴. Дурново разделял мнение, что миссия Дворянского банка – спасение дворян-помещиков во что бы то ни стало⁵.

Настойчивость А.В. Мещерского увенчалась успехом. Двенадцатого октября 1889 г. последовал указ о снижении процентных ставок в Дворянском банке с 5 % до 4,5 % (для тех, кто исправно вносил платежи). Максимальный срок кредита увеличивался до 51 года и 9 месяцев. А если по кредиту имелась недоимка, то ее выплата откладывалась на эти полстолетия без процентов⁶. Такой льготы не ожидал никто. Московские ведомости писали: «Государь не захотел, чтобы платеж Дворянскому банку мог оказаться непосильно великим хотя бы немногим имениям... На милость нет примера, нет и суда, а потому и более исправным заемщикам остается искренне присоединиться к своим менее счастливым доселе соседям-недоимщикам и, отбросив мелочные расчеты и пересуды, вместе с ними одним голосом всего российского дворянства принести благодарение Богу и Государю

поземельном кредите, произнесенная в московском губернском собрании. Январь 1865 г. // РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 635. Л. 1–2.

¹ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики. Л., 1978. С. 44.

² РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 611. Газетная вырезка. Вероятно, июль 1889 г.

³ Там же. Л. 118 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 611. Газетная вырезка. Вероятно, июль 1889 г. Л. 112.

⁵ Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 239–240.

⁶ *Льготы, дарованные заемщикам Дворянского банка* // Московские ведомости. 26 октября 1889. № 296.

за дарованные великие милости...»¹ Благодарили дворяне и А.В. Мещерского: «Князь, ваше «ура» глубоко прозвучало в наших сердцах. Вторим ему. Честь вам и спасибо, дорогой наш боец»². Десятки телеграмм летели в Санкт-Петербург из Рязани, Киева, Полтавы, Ромен, Феодосии, Курска, Ялты – центров хлеботорговли, которые особо нуждались в льготах, «добытых» Мещерским.

Однако задача Мещерского была гораздо выше «вымаливания» финансовой помощи дворянству. Своей настоящей целью он считал возрождение дворян к жизни, преодоление ими апатии и разобщенности, чтобы сословие могло существовать без государственной поддержки. Одним из важнейших своих достижений на этом поприще Мещерский считал открытие Петровско-Александровского пансион-приюта в Москве. Это было общежитие для гимназистов-дворян, вынужденных жить вдали от семьи, пока их родители занимались хозяйством в поместьях. В заведении мальчики получали кров, стол, одежду, надзор воспитателей и репетиторов. Пансион-приют был основан в 1874 г. и за сорок лет своей работы помог приобрести образование не одной сотне дворянских юношей.

При учреждении Приюта Мещерский делал акцент на его благотворительном характере. В нем изначально предусматривалась половина бесплатных мест, а на практике их доля всегда была больше. В 1872 г. «дворянское собрание постановило отчислять ежегодно... по 10 000 руб. из частных дворянских повинностей, с тем, чтобы деньги эти сперва шли на постройку здания, а после были обращены на содержание в Приюте детей беднейших дворян. Так как для постройки здания Пансион-приюта по смете требовалось 100 000 руб., то здание это строилось бы десять лет, если бы, благодаря усилиям князя Мещерского, не были собраны из частных пожертвований значительные суммы, с помощью коих постройка была окончена в течение двух лет»³. Мещерский привлек к учреждению стипендий в Приюте богатейших людей России, одновременно являвшихся представителями древних аристократических родов. «...Почетное положение и посланный судьбою достаток налагают на истинно благородного человека обязанность посылно служить обществу и охраняющим его коренным государственным учреждениям...» – писал А.В. Мещерский графу В.П. Орлову-Давыдову⁴.

Кроме конкретной учебно-воспитательной деятельности, у пансиона, основанного А.В. Мещерским, был еще и символический смысл. С его открытием Александр Васильевич связывал начало новой эпохи в истории сословия, когда оно объединится для помощи своим членам и найдет в себе силы конкурировать с выходцами из низших слоев общества. «Если повысится уровень образования среднепоместных и мелкопоместных дворян, – говорил Мещерский, – то поместное дворянство будет жить дальнейшею историческою жизнью, как особое, по преимуществу, служило-правительствующее сословие и представитель таких... политических прав и вольностей, на пользование которыми остальная часть

¹ *Льготы, дарованные заемщикам Дворянского банка // Московские ведомости. 10 октября 1889. № 296.*

² РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 611.

³ *Московские ведомости. 1874. № 217. С. 3.*

⁴ РГАДА. Ф. 1379. Оп.1. Ед.хр. 635. Л. 46.

народа, по времени, не имеет еще никакого нравственного права»¹. В этой мысли Мещерского отразились претензии дворянства на исключительное право управления, прежде всего в уездах, которым дворяне пользовались до введения судебных уставов и земских учреждений. (В первой половине XIX в. дворяне избирали из своей среды около трети губернских и до половины уездных должностных лиц)². А.В. Мещерский требовал вернуть местное управление под дворянский контроль. Князь поддерживал мысль «пересоздать волости в более крупные единицы и доверить руководить этими единицами местным землевладельцам, преимущественно дворянскому элементу, дабы прекратить безобразия крестьянского самоуправления»³.

Для Мещерского дворяне-помещики стояли на недосягаемой высоте. С ними не могли сравниться не только «хорошо обученные» разночинцы, но даже дворяне-чиновники. Что же делало их особенными руководителями? – Подчинение традиции в большей степени, чем закону, внутренней совести – больше, чем соображения выслуги или наживы. А.В. Мещерский полагал, что только благородное сознание дворянина может стать преградой казенному формализму. Здесь показателен случай, произошедший с самим Александром Васильевичем в 1887 г., когда его любимое детище – уже упоминавшийся Пансион-приют – публично обвинили в неудовлетворительной организации. Это случилось после того, как Мещерский доложил московскому дворянскому собранию о снижении успеваемости и численности воспитанников. Защищая Приют от губительной реорганизации, Мещерский писал в редакцию одного журнала: «Неужели всюду, везде и для всех обязателен противный канцелярский девиз: «все обстоит совершенно благополучно»? Обязательна обязанность себя и других обманывать? Дело в том, что [при подготовке представленных отчетов] прилагается все старание, чтобы они отличались возможно арифметическою определенностью – чтобы все, что может быть выражено цифрами, было цифрами на самом деле выражено; потому что цифры исключают голословность, туман и темноту; о неверных же цифрах, понятно, и речи быть не может. Вот эти цифры и показали, что за последние три года дело шло менее успешно, чем в первые девять лет, когда оно шло более чем удовлетворительно... Конечно, поклонники «всеобщего благополучного обстояния» молчали бы, если бы по отчету все обстояло благополучно. Но как попечитель и сторонник истины и здоровья, а не гнилого благополучного обстояния, я этого не допускаю и предпочитаю, чтобы протестанты и радикальные ораторы говорили; поставляю даже им материал для говорения и устраняю благополучное обстояние, которого в сущности на деле нигде нет»⁴. Данный эпизод, наряду с другими, показывает, что Мещерский лично стремился воплотить в себе идеал дворянина: рачительного хозяина, благотворителя, готового оказать поддержку слабым, противника лжи и формализма.

¹ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 718. Л. 2.

² *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М., 1981. С. 26.

³ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 813. Л. 4.

⁴ Там же. Ед. хр. 752. Л. 40-41.

Мещерский полагал, что самодержавие напрасно предпочло профессиональных чиновников дворянам. В течение веков дворянство представляло «готовый контингент слуг, верно проводивших в население предначертание царей»¹. Главная черта благородного сословия, по Мещерскому, – преданность престолу. В момент государственной необходимости дворяне «организовали» прикрепление крестьян к земле. А в 1861 г. они по одному «державному слову» Александра II, пожертвовали своим благосостоянием ради Отечества². Этим свойством не обладают «административно-полицейские ангелы» из «парадиза» петербургских департаментов. Зато они способствуют принижению дворянства³. Мещерский фиксировал положение, которое Б.Н. Миронов охарактеризовал как превращение сословной монархии в бюрократическую. «Хотя сословный принцип пополнения бюрократии не был отменен, государственная служба проходила главным образом на основе выслуги, образования и профессионализма, вследствие чего дворянин на службе был сначала чиновником, а потом дворянином»⁴. В перспективе предстояла полная отмена дворянских привилегий. Мещерский соглашался, что «это было бы недурно и даже очень хорошо. Последствием было бы всеобщее уравнивание гражданских прав и обязанностей; бесспорно, что в том именно и состоит конечная цель цивилизации»⁵. Но тогда, после разрушения сословного строя, самодержавие осталось бы единственным традиционным институтом в России. «...Правительствующая бюрократия да самодержавный государь без необходимого, для действительной монархии, дворянства, – писал в 1873 г. Мещерский – Это такой бестолковый демократический строй, при котором возможно только постепенное гнилое разложение общества и государства: вечно волнующийся, вечно всем недовольный прах снизу; постоянное опасение и давление сверху. Останется после какого-нибудь разгрома один исход – возрождение в республику»⁶. Желая предотвратить воплощение печальных прогнозов, Мещерский обращался к Александру II с просьбой обновить законодательство о дворянах, вновь «возвысить» сословие. Но император этого не обещал⁷.

Дух эпохи Александра III давал Мещерскому больше поводов для оптимизма. Князь заявлял о своих взглядах с помощью записок, ходатайств, участия в комиссиях. При Николае II Мещерский ушел из общественной деятельности. Он умер в 1900 г. «...Этот человек пожертвовал почти полвека жизни на страстное ратование за дворянскую идею, за дворян и за их нужды, как духовные, так и материальные! <...> Среди гама, хохота, яркого противодействия, насмешек, всего потока тогдашней общественной жизни, князь смело взял в руки «стяг Русского дворянства» и, высоко его

¹ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 611. Л. 89 об.

² Там же. Л. 82 об.

³ РГАДА. Ф.1379. Оп.1. Ед.хр. 635. Л. 9.

⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 148.

⁵ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 635. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 40.

⁷ Там же. Ед. хр. 680. Л. 6.

держа над толпой, пошел вперед к достижению своей цели», – писали «Московские ведомости» в некрологе¹.

Среди дворян, даже консервативно настроенной их части, А.В. Мещерский выделялся необыкновенной энергией и энтузиазмом в решении дворянского вопроса. Для него идея превосходства дворян, идея их долга перед государем и Россией были не абстрактными понятиями или политической декларацией, а прямым руководством к действию. Это заставляло Мещерского добиваться организации поддержки дворянства как носителей особого сознания и трудиться над воспитанием дворянского юношества. Сказанное вовсе не исключает того, что громкие слова об исторических заслугах дворянства не использовались его представителями для давления на власть. Наоборот, вся борьба Мещерского, направленная против разложения сословия, подтверждает утрату многими из них благородных идеалов. Однако рассмотрение практической деятельности Александра Васильевича с его верой в справедливость совершенно «реакционных» требований заставляет нас иначе отнестись к консерватизму в целом: для консерваторов, подобных Мещерскому, он действительно был не политической теорией, а единственно возможным образом мышления и жизни.

¹ *Памяти князя А.В. Мещерского // Московские ведомости. 1901. № 10. С. 3.*